

ВРАЖДА

История, вопреки известному изречению, не обязательно повторяется в виде фарса. Недавняя ситуация в мировых шахматах удивительно похожа на ту, которая сложилась в 20-30-е годы XX века. В 1927 году казавшийся непобедимым чемпион мира Хозе Рауль Капабланка (читай Каспаров) был неожиданно побежден в титаническом матче Александром Алехиным (читай – Крамник). Поверженные чемпионы мира никогда не смирялись с утратой звания. Матчи-реванши играли и Вильгельм Стейниц, и Алехин, и Михаил Ботвинник. Но, пожалуй, никто и никогда не имел таких оснований вернуть себе титул, как гениальный кубинец. Даже теперь, по прошествии многих лет нисколько не умаляя при том заслуг Алехина, многие считают, что Капабланка проиграл только потому, что недостаточно серьезно отнесся к своему партнеру. Прекрасно понимая, чем грозит ему матч-реванш, Алехин воздвиг перед Капабланкой почти непреодолимый барьер. Справедливости ради надо сказать, что юридически и даже морально он имел на это право. ФИДЕ формально уже существовала, но обладала еще меньшей властью, чем сегодняшняя и уж заставить Алехина играть с Капабланкой матч-реванш никак не могла, даже не пыталась.

Единственной возможностью для свергнутого чемпиона было убедить мировую общественность, что он по-прежнему сильнейший. И точно так же, как Каспаров, он попытался сделать это в ближайших же турнирах. И если, еще будучи чемпионом мира, Капабланка с 1923 по 1927 гг. сыграл лишь в трех турнирах, то после потери звания только за три года (1928-31 гг.) принял участие в 11 соревнованиях, 7 раз заняв в них первое место. В последующие годы Капабланка добивался еще больших успехов – III-й московский международный турнир, Ноттингем, но матч-реванш сыграть ему так и не удалось. После матча Каспаров-Крамник право называться сильнейшим у них оспаривал еще и третий соискатель – чемпион мира по версии ФИДЕ Вишванатан Ананд. В 20-30 годы такого четко выраженного третьего, пожалуй, не было. Зато реальных претендентов было гораздо больше, чем сейчас. И экс-чемпион мира Эмануил Ласкер, и будущий чемпион мира Макс Эйве, и Рихард Рети, и Ефим Боголюбов, и Арон Нимцович.

В очерке «Вражда» рассказывается об одном драматическом событии давно ушедшего времени, когда шахматы были гораздо популярнее, чем сегодня.

Сейчас проводится такое количество международных турниров, что, пожалуй, только сами участники могут без запинки ответить, кто, к примеру, занял первое место в 1977 году в Тилбурге, кто победил в 1982-м в Бугойно или кто стал третьим призером Монреальского турнира 1978 года. По закону диалектики, количество обязательно переходит в качество. Растет число гроссмейстеров экстра-класса, уровень шахматной игры с каждым годом повышается. А в 20-е и 30-е годы крупных соревнований было мало, но зато каждое из них было праздником для любителей шахмат. Они надолго приковывали к себе внимание, о них говорили и спорили многие месяцы после их окончания. И любой настоящий болельщик помнил не только победителей турниров, но и их неудачников.

В 1928 году, более 80 лет назад, в немецком городе Бад-Киссингене состоялся один из самых выдающихся турниров в истории шахмат. Среди его участников были бывший чемпион мира Капабланка, будущий – Эйве, претенденты на мировое

первенство разных лет Тарраш, Маршалл, Боголюбов, выдающиеся теоретики и практики шахмат Нимцович, Тартаковер, Шпильман, Рети... Не хватало только чемпиона мира Алехина, позволившего себе короткую передышку между матчем с Капабланкой и беспримерно триумфальными выступлениями в недалеком будущем в Блэде и Сан-Ремо. Отказался от участия и старый уже, но еще сохранивший выдающуюся силу экс-чемпион мира Ласкер, с некоторых пор избегавший играть в своем отечестве – Германии.

Кульминации турнир в Бад-Киссингене достиг к девятому туру, в котором игралась главная партия соревнования, а может быть и всего шахматного года – между Боголюбовым и Капабланкой. Участники и многочисленные зрители считали, что именно в этой партии разыгрывалось пусть не формальное, но уж во всяком случае, моральное право на матч с чемпионом мира Алехиным. Бад-Киссинген – первое соревнование Капабланки после утраты им высокого титула. Вчера еще в ореоле славы и непобедимости, сегодня, по существу, он должен начинать все сначала. Многие болельщики уже успели «похоронить» его. Многие гроссмейстеры считали его лишь одним из соискателей. Правда, сам Капабланка так не считал. Он посылает вызов новому чемпиону, он собирает деньги для матча-реванша. Но Алехин, лучше других знавший силу поверженного чемпиона, вовсе не жаждет вновь испытывать судьбу. Он воздвигает перед Капабланкой ряд препятствий, формально, впрочем, вполне справедливых, и ставит его в известность о том, что уж во всяком случае, первое право на матч с ним принадлежит Боголюбову.

И вот сегодня, за три тура до окончания этого крупнейшего международного турнира, Капабланка в очной встрече с Боголюбовым, идущим на первом месте и опережающим его на полтора очка, должен доказать себе, всему шахматному миру и, конечно же, Алехину, что главным соискателем чемпионского титула есть и будет он, Хосе Рауль Капабланка.

Для того, чтобы увидеть эту партию, кое-кто приехал в Бад-Киссинген из других городов и даже стран. Но странное дело! Почему же многие зрители стоят у другого столика, где играет-ся ничего не решающая партия, по существу, двух аутсайдеров,

не набравших к моменту встречи между собой даже пятидесяти процентов очков? Наверное, потому, что самые искушенные болельщики знают: в этой партии встречаются шахматные антиподы, непримиримые враги Зигберт Тарраш и Арон Нимцович. Эта вражда длится уже четверть века, порою затухая, чаще обостряясь очередными язвительными выпадами то одного, то другого.

Впервые они встретились за шахматной доской в 1904 году: молодой, только начинающий свой блистательный путь Нимцович и признанный мэтр, один из сильнейших игроков мира Тарраш. Это была легкая партия. Внезапно Тарраш вскочил со стула, скрестил на груди руки и надменно произнес: «Никогда в жизни после 10 хода я не стоял в такой степени на выигрыш». Партия в результате закончилась вничью, но это уже не имело значения. Нервный, болезненно самолюбивый, мнительный Нимцович до конца жизни не простил Таррашу этой фразы, его уничижительного тона. Еще несколько лет мэтр, несмотря на заметные успехи Нимцовича, как-будто не замечал его. Нестерпимое желание догнать Тарраша, заставить его считаться с собой стало главным стимулом для Нимцовича на первом этапе его шахматной карьеры. Много позже в одной из своих книг Нимцович напишет: «В период с 1902 по 1906 годы я открыл... пока что не Америку, но своего исконного врага».

До Киссингена в крупнейших мировых состязаниях они сыграли 11 партий. И все их встречи, вне зависимости от турнирного положения, отличались крайней ожесточенностью. Общий перевес был на стороне значительно более молодого Нимцовича, выигравшего 4 и проигравшего 2 партии. Но зато самую красивую победу (Петербург, 1914) одержал Тарраш. Болельщики со стажем в предвкушении очередной принципиальной схватки предпочли партию Нимцович–Тарраш главной партии Киссингенского турнира.

Уже первый ход Нимцовича королевской пешкой на одно поле вызвал гнев 60-летнего немецкого гроссмейстера. Зигберт Тарраш был слишком горд и надменен, чтобы показать окружающим, как оскорблен и унижен он этим нарушением основ шахмат, которые он создавал и утверждал всю свою жизнь.

Владение центром – альфа и омега, краеугольный камень учения Стейница и его, Тарраша. Как же можно сознательно и добровольно отказываться от дополнительного пространства доски?! Правда, в этом турнире Нимцович один раз уже сыграл 1. e2–e3, но это было в партии с Рети, единомышленником Нимцовича, таким же ниспровергателем и бунтарем. Но с ним, Таррашем?! А ходить на протяжении первых восьми ходов два раза одной пешкой?! А поставить четвертым ходом в самый центр доски ферзя, где он уже на следующем ходу был атакован черным конем? Тарраш терпеть не мог всю эту новую, так называемую «ультра-модернистскую» школу и главных ее вождей Рети, Тартаковера. Старый гроссмейстер был убежден: будь ему сейчас столько лет, сколько противнику, Нимцович при всей его дерзости и нахальстве никогда не рискнул бы совершить такое. Это, конечно же, был вызов. Несмотря на все свое самообладание, Тарраш не сумел скрыть раздражение от зрителей и коллег-гроссмейстеров.

Нимцович никогда не отказывал себе в удовольствии подразнить старого педанта. Иногда в полемическом задоре он даже позволял себе во время партии перегнуть палку, делал ход или проводил план, которые вряд ли были наилучшими, зато действовали на Тарраша, как красная тряпка на быка. Но как раз в данном случае в ходе e3 Нимцович не видел ничего особенного, даже если смотреть на него глазами Тарраша. Черные, борясь за пространство и центр, своим первым ходом тоже могут сыграть пешкой на два поля, а зачастую играют на одно: с6, e6, даже d6 – и ведь ничего, получают вполне приличную позицию.

Кстати, и, сейчас, при соответствующей игре черных белые могут свести партию к французской защите во второй руке. А кто рискнет утверждать, что французская плоха для черных?

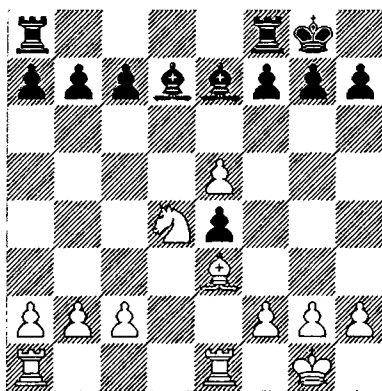
Тарраш подолгу задумывался над каждым ходом, даже над теми, которые, по мнению Нимцовича, элементарны. Со стороны почти физически ощущалось, как трудно дается ему принятие того или иного решения. Конечно же, сказывались и общее недомогание, на которое он не обратил внимания при вступлении в турнир, возраст, и горечь поражения в предыдущем туре от Боголюбова. Вообще-то гораздо разумнее было отказаться от участия.

Гордый, самолюбивый, порой даже заносчивый, привыкший всю жизнь быть на первых ролях, Тарраш тяжело переживал свое теперь уже постоянное пребывание в середине, а то и в конце турнирной таблицы. Всегда трезво и объективно мыслящий, он не верил в чудеса. И то, что в таком возрасте у него нет ни малейшего шанса, понимал не хуже других. Но великая любовь Тарраша к шахматам вопреки разуму, наперекор здравому смыслу влекла его в новые и новые турниры, к очередным спортивным неудачам.

В Киссингене он играл без блеска, но достаточно надежно, сделав в предыдущих турах семь ничьих и проиграв лишь одну партию. Но все эти ничьи Тарраш отдал бы, кажется, сейчас за одну победу над Нимцовичем – самым ненавистным ему человеком и шахматистом в мире, вот уже столько лет пытающимся не только унижить, оскорбить лично его, Зигберта Тарраша, но и, что еще страшнее и горше, уничтожить его постулаты, дело и смысл всей его жизни.

После 13-ти ходов игра практически уравнилась. Сделав очередной ход, Нимцович прогуливался между шахматными столиками, бросая взгляды на чужие партии.

Нимцович – Тарраш

после 14 Лf1-e1

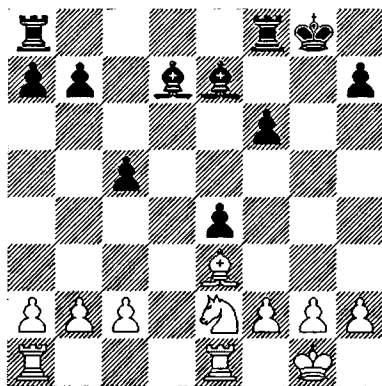
Вдруг что-то заинтересовало его, он остановился, посмотрел более внимательно, но неожиданно обнаружил, что занятый

мыслями о своей собственной позиции, абсолютно не в состоянии оценивать другие.

Было сделано еще два хода. Обдумывая 16-й ход, Нимцович ясно видел, что в случае правильного ответа черных ничья практически становится неизбежной. Этого при своем весьма скромном турнирном положении, к тому же играя белыми, он, допустить, никак не мог. «Но ведь я имел дело с Таррашем, – напишет потом Нимцович, – разве мог старый догматик отказаться от сугубо теоретического преимущества двух слонов даже ценой лучшего хода. В конце концов, для него это было делом принципа».

После очень долгого раздумья Тарраш побил пешку не слоном, что было правильно, а пешкой и сразу получил худшую позицию.

Нимцович – Тарраш

после 16 ... g7:f6

Тарраш и Нимцович, будучи антиподами по своим теоретическим взглядам на шахматы, по-человечески были очень схожи. Оба раздражительные, непримиримые к чужим мнениям, одинаково не склонные к компромиссам, чрезвычайно высокого мнения о себе, фанатичные в отстаивании своих взглядов. Оба беззаветно любили шахматы. И под высказыванием Тарраша: «Шахматы, как и музыка, обладают способностью делать человека счастливым» вполне мог бы подписаться и Нимцович. Правда, пожалуй, здесь был один маленький нюанс. Нимцович,

хотя и был профессиональным игроком, любил шахматы бескорыстно, а для Тарраша, врача по профессии, они служили еще и средством удовлетворения своих немалых амбиций.

Коллеги-гроссмейстеры хорошо знали трудные характеры и того и другого и относились к обоим не слишком тепло. Все же вспыльчивый, необузданный, горячий Нимцович вызывал большую симпатию у окружающих, чем замкнутый, надменный Тарраш. Порой выходки Нимцовича воспринимались как чудачество. Еще в 1914 году он поссорился с Алехиным. Повод был настолько пустяковый, что потом ни тот, ни другой не могли вспомнить, из-за чего возник конфликт. Тем не менее, они перестали разговаривать.

Всероссийский турнир 1914 года, собравший сильнейших шахматистов страны, закончился победой Алехина и Нимцовича, разделивших два первых места. Поскольку только один участник турнира допускался в Международный петербургский турнир, им предстояло сыграть матч из четырех партий.

В первой партии Нимцович, попав в трудное положение, не смог совладать со своими нервами. Возбужденный, раскрасневшийся, он вдруг сорвался с места и с криком вбежал в помещение турнирного комитета: «Какая наглость! Он мне сказал «шах». Мы с ним не разговариваем, а он мне говорит «шах». Я брошу играть». Нимцовича с трудом успокоили. Через несколько ходов он сдался. При этом категорически заявил, что в следующих партиях за одной доской с Алехиным сидеть не будет. Вторую партию они играли, сидя в разных залах. Ходы партнерам сообщал посредник, он же переводил часы. Вторую партию выиграл Нимцович. Ввиду скандального течения игры было решено матч прервать, считать его закончившимся вничью и в международный турнир допустить обоих.

Нимцович всегда искал истину. Он не желал идти проторенными путями, не желал жить чужим умом, и поэтому Тарраш неизменно вызывал в нем ярость. Но неистово борясь с законами Тарраша, обзывая его догматиком и начетчиком, Нимцович, сам того не осознавая, насаждал новые законы, порой не менее догматические.

16-й ход Тарраша был плох по многим причинам. Черная пеш-

ка, переместившись на с5, перекрыла дорогу собственному слону, существенно ослабилось поле d5, а главное, Нимцович в точном соответствии со своей теорией получил опорный пункт f4, который давал возможность осуществлять блокаду всего королевского фланга черных. «16-й ход черных совершенно погубил их позицию», – безапелляционно заявил Нимцович в своих комментариях к этой партии. «О том, что всегда нужно бить пешкой к центру, доктор столько раз твердил миру, что самому ему просто неудобно поступать иначе. Для меня не так важно было выиграть именно эту партию, как еще раз доказать Таррашу вздорность его постулатов и всему миру – жизненность моих принципов».

У Тарраша трудно складывались отношения не только с Нимцовичем. Многие годы он не признавал шахматных достижений Ласкера и громогласно заявлял об этом всюду, где только мог. В 1892 году он презрительно отверг вызов будущего чемпиона мира на матч с ним. «Если Ласкеру хотелось испытать свой класс игры, – написал он в одной из немецких газет, – ему не следовало уклоняться от участия в Дрезденском турнире, где он имел возможность помериться силами со многими шахматистами, а также со мною». И позже: «Без испытания в крупном турнире у него не было никаких оснований ставить себя на одну ступень со мной, победителем трех подряд международных турниров».

Когда Ласкер выиграл матч на звание чемпиона мира, Тарраш позволил себе свысока отозваться о его достижении: «Поражение потерпела не игра Стейница, а его годы».

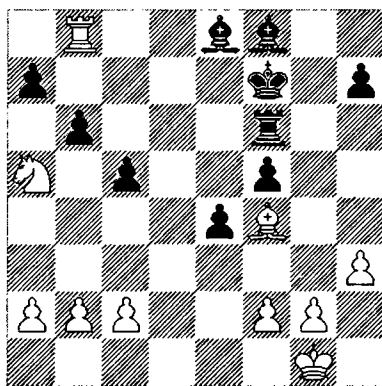
После окончания знаменитого Гастингского турнира 1895 года Тарраш иронически заметил: «Чемпион мира доказал, что он тоже очень сильный игрок». Но мудрый философ Ласкер не очень-то реагировал на все эти выпады, предпочитая игрой доказывать свою силу и Таррашу, и всем остальным. Нимцович подобной выдержкой не обладал. И оскорбление от Тарраша помнил всю жизнь.

С 22-го по 24-й ходы Нимцович поменял местами коня и слона, практически используя пункты e3 и f4 в качестве блокадных полей.

После 29-го хода Тарраш, пожалуй, впервые в партии осознал трудность своего положения. Он сознательно отдавал пешку на

b7, но рассчитывал, что Нимцович сразу возьмет ее конем. Тогда шансы черных на ничью становились очень значительными, теперь же ему предстояла долгая и не слишком перспективная защита. Нимцович внезапно вспомнил свой поединок с Таррашем на турнире в Бреслау три года назад. Профессиональные шахматисты высокого класса во время партии часто ориентируются на типовые позиции или на аналоги, возникавшие уже когда-то в их собственных или в других партиях. В Бреслау Нимцович тоже имел активную ладью в тылу противника и коня, угрожавших черным пешкам. Тогда он выиграл партию.

Нимцович – Тарраш

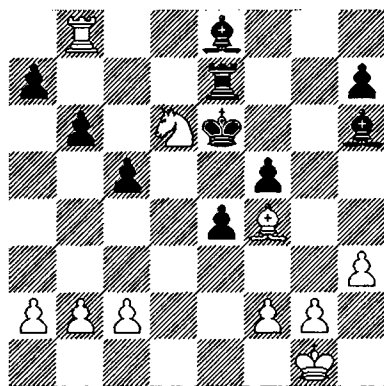
после 29 ... b7-b6

Сомнений в сегодняшнем успехе у него после 29-го хода уже не оставалось. 33-й ход белых Лв8 окончательно определил перевес Нимцовича. Тарраш опять надолго задумался. Счетная игра, в которой когда-то ему не было равных, теперь давалась тяжело. Он все время сбивался, начинал сначала и никак не мог закрепиться на какой-то промежуточной позиции, с которой было бы проще считать дальше. А помочь в этом положении мог только точный расчет.

Продумав не менее получаса, Тарраш пришел к выводу, что только на первый взгляд Нимцович сделал хороший ход, что сыграй он 33. Л: e7+, нужно было бы сдаваться сразу. Неточность

белых как бы вдохнула новые силы в старого маэстро, и он про-
вел замечательный маневр 33... Ch6!

Нимцович – Тарраш

после 33 ... Cf8-h6

Несмотря на острую личную антипатию, Тарраш и Нимцович конечно, отдавали себе отчет в том, что крайнее ожесточение, которое выплескивалось наружу при любых контактах между ними, будь то турнирная партия, газетная полемика или какой-то общий разговор, было проявлением вражды не просто между двумя индивидуумами, но между вождями двух течений – между вчерашним и сегодняшним днем шахмат, как полагал Нимцович.

Но Тарраш ни в коем случае не считал свое понимание шахмат вчерашним днем. Он сам когда-то вместе со Стейницем хоронил «старую» школу неисправимых романтиков середины XIX века и не желал, чтобы теперь с ним подобную же операцию проделал этот скандальный Нимцович. Тарраш чувствовал себя слишком старым для дуэли, да и в XX веке они уже вышли из моды, но в его молодости люди знали, что надо делать с господами, позволяющими себе вот такие, например, высказывания: «Если чувство вражды к Таррашу и было вызвано личными мотивами, то питалось оно уже не ими, а тем глубоким антагонизмом идейного характера, наличие которого я так резко почувствовал с са-

мого начала нашего знакомства. Для меня Тарраш всегда был посредственностью; правда, он играл очень сильно, но все его взгляды, симпатии и антипатии, а главное – неумение создать новую мысль – все это ясно доказывало всю посредственность его духовного облика. Я же, обожавший гениальность, никак не мог примириться с тем, что лидером господствующей школы является посредственность!».

В своих расчетах Нимцович просмотрел великолепную реплику Тарраша Ch6. В положении, где, казалось, можно было уже принимать поздравления, теперь все нужно было начинать сначала.

«Отлично, доктор! – не сумев подавить в себе восхищение, подумал Нимцович. – Насколько же вы как шахматист-практик сильнее, крупнее, чем учитель и теоретик».

Теперь надолго задумывается Нимцович. Ходов на 15 просчитывает он форсированный вариант. Поначалу, кажется, что это приводит к ничьей – к эндшпилю с лишней пешкой у белых, но с разноцветными слонами. Просчитывая вариант в третий раз, Нимцович находит этюдную возможность поставить Тарраша в цугцванг. «Интересно, видел ли это доктор, делая ход Ch6? Наверное. Все-таки он игрок высшего класса. Но ведь выбора у него все равно не было. Вариант-то форсированный».

Быстро делаются ходы с обеих сторон. И Нимцович, и Тарраш понимают: белые должны выиграть. Тарраш «отчаянно» (именно так назовет потом Нимцович его защиту) сопротивляется неизбежному. Но спасти партию уже невозможно. Она продолжается еще 33 хода. Нимцович выигрывает.

Сохранилась групповая фотография участников турнира в Киссингене. Рядом с Капабланкой, с краю, сидит Нимцович, а по другую сторону от кубинца, скрестив на груди руки и слегка прищурившись, смотрит в объектив камеры Тарраш. Лишь один шахматист на историческом снимке смотрит не в объектив, а в сторону – в сторону доктора Тарраша. Это Нимцович, и многое можно прочесть в его взгляде.

И Тарраш, и Нимцович, естественно, не знали тогда, что это их последняя встреча за шахматной доской. Зигберт Тарраш умрет в 1934 году, а в 1935-м, пережив его всего на год (хотя был моложе почти на четверть века), умрет Арон Нимцович.

Вражда и соперничество двух выдающихся шахматистов сыграли исключительную роль не только в их личной судьбе («Не будь чувства вражды по отношению к Таррашу, я никогда не научился бы по-настоящему играть в шахматы», – признался Нимцович), но и обогатило шахматы в целом.

Их шахматные судьбы, как и характеры, были чем-то схожи: ни тот, ни другой не стали чемпионами мира, хотя оба были очень близки к этому. Чего-то не хватало им: философской широты и гибкости Ласкера, артистической мягкости игры Капабланки, фантастической увлеченности и работоспособности Алехина, а может быть, и простого везения, без которого не может быть успехов даже у самого из самых. Но все равно по своему значению для шахмат, по своему вкладу в теорию и практику и Тарраш, и Нимцович могут быть поставлены в один ряд с чемпионами мира, ничуть не ниже.

А что же главная партия Бад-Киссингенского турнира Боголюбов–Капабланка? Она закончилась блестящей победой кубинца, но ничего не принесла ему, кроме морального удовлетворения. Капабланке так и не удалось опередить Боголюбова в турнире, как и не удалось сыграть второй матч с Алехиным.

В начале 40-х годов, стремясь вырваться из фашистской Европы, Алехин сам шлет ему вызов. Но больной, потерявший интерес не только к шахматам, но и к жизни Капабланка отказывается и вскоре умирает, так и не вернув себе звание чемпиона мира.

